

Дождей приблизились обстрелы,
 И влагой пажити дымят,
 Никто не видит кукушат:
 Движения птенцов несмелы,
 Они в неведомость глядят.

Им кажется, что вдоль опушки,
 Где бродит кто-то, но не я,
 Где рыки чудятся зверья,
 Где девы плачут от присушки,
 И молят Бога кумовья,

Где свет подвластен дымным лохам,
 И шелест манит пустельгу,
 Чья тень скользит по лозняку,
 По травам чахлым и подсохлым,
 Летит прощальное: «ку-ку...»

ТРАВНИЦА

Ей сложно выходить уже на двор
 И ощущать и снег, и дождь щеками;
 Она жива, но только до сих пор
 Чего-то ждет молельными ночами.

Сроднился с ней изношенный халат,
 Согрелось сердце в козьей безрукавке.
 Кто прав был в прошлом, а кто — виноват,
 Она решает в повседневной давке.

К ней приезжают все: и стар, и млад
Из дальних деревень, и городские,
Калеки, алкоголики, глухие.
И сквозь отчитку слышен перемат.

И трав сушеных у нее избыток,
Для каждого особый есть отвар,
И не берет старушка гонорар
За грешных исцеляющий напиток.

Багульник, зверобой, аир, иссоп,
И мех, и мясо им убитой дичи
Приносит ей чахоточный лесничий,
Ей хилый плотник приготовил гроб.

С лесов, полей, болот, долин и роц,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвощ.

Ее сосед — безрукий долговяз —
Все носит ей акафисты, просфорки —
От сельского священника наказ,
Который хуже самой жесткой порки.

Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.

И плачет в одиночестве навзрыд,
И кается впотьмах под образами,
И верит, что Христос ее простит
И примет с искупленными грехами.

ТЬМА

Неба погасшего полуоттенки
Ночь измельчила до полутонов.
Я был прижаться к тебе не готов,
Ты опустилась ко мне на колени.

Время текло безвозвратно и снуло,
Ты, как и прежде, горька, холодна,
Тяжкой печалью меня обтянула,
В мрачной глуши тарабил желна.

Были его переменчивы дробь,
Что настучал чернокрылый самец?
О переменах, о счастье, о злобе
Или о том, что Спожинкам конец?

Мир, словно деву, поймают у дуба,
Мертвый скиталец — клыкастый упырь.
Будет повержена слезно и грубо
За сорок дней солнцеликая ширь.

Будут деревья в следах кровососа
Плакаться полю в пунцовой дали.
Будут смотреть замороженно-косо
Листья, что под ноги людям легли.

Ливни затянут угрюмые речи,
Ты вновь захочешь прижаться ко мне.
Знаешь, я больше не верю желне
И зажигаю пасхальные свечи.

Тьма, оставайся на выжженном пне.

* * *

Вы мне годы не срежете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей.

Пролезая из темени,
Слезно бьетесь в окно,
Каплю летнего времени
Вам украсть не дано.

Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.

Ночь рассветом разгадана
Солнце — мой золотник.
Веет запахом ладана
Алой осени лик.